

ПРИНЦИПЫ АРГУМЕНТАЦИИ В РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЧАСТЬ 1: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Данная статья посвящена вопросу становления аргументации в ранней греческой философии. Приводится ряд доводов в пользу вывода о существовании аргументации в раннегреческой философии. В качестве исторической предпосылки для принятия такой точки зрения рассматривается схема деления Аристотелем досократиков на «геологов» (тех, которые «размышляли только о том, что казалось им правдоподобным, а о нас не позаботились») и «физиологов» (тех, «кто рассуждает, прибегая к доказательствам»). Также рассматривается рациональный характер доводов досократиков. Особое внимание уделено вопросу о наличии рациональной аргументации у Гераклита.

Ключевые слова: аргументация, досократики, Аристотель, Гераклит, «геологи», «физиологи», рациональность.

Вопрос доказательности и аргументированности текстов досократиков на сегодняшний день остается открытым в научных дискуссиях, в первую очередь в силу специфики как самих досократических текстов, так и содержащейся в них аргументации в частности. Аргументированность предполагает развернутый стиль изложения, тогда как досократические фрагменты представляют собой скорее тезисы, по преимуществу краткие и вырванные из контекста. Казалось бы, при таком положении дел продуктивнее было бы остановиться на анализе социальных предпосылок и мировоззренческих оснований, лежащих в основе того или иного философского учения, делая упор на его автобиографическом и историческом контексте, как зачастую и поступают историки философии. Но, с другой стороны, при таком подходе ускользает важнейший момент: неотъемлемой, главной и специфицирующей частью философского текста является аргументация, доказательность положений, а это значит, что не менее важной задачей представляется и анализ аргументов, выдвигавшихся в ту или иную историческую эпоху в процессе решения конкретной задачи или проблемы, их структуры и теоретического контекста. А раз это так, то и анализ аргументов является именно философской задачей, которая не требует ничего, кроме фи-

лософского же инструментария. Поэтому и неизбежные вопросы, которыми историкам философии следует задаваться, анализируя философские работы, таковы: в обсуждение какой проблемы включился философ? Достоверны ли его аргументы? Связаны ли они с другими аргументами, выдвинутыми им самим или его предшественниками и современниками? Способствует ли реконструированная нами аргументация пониманию проблемы, ее решения или, напротив, затемняет ход рассуждения? Не прибегает ли автор текста к софистическим уловкам? Какие именно аргументы использует философ, прибегает к известным или формулирует собственные? Эти вопросы легко разрешимы, когда речь идет о развернутом философском трактате времен, скажем, развитой схоластики, Нового времени или Немецкой классической философии. Но когда речь заходит о периоде становления философии, ее первых шагах, то, прежде всего, мы вынуждены ответить на самый первый вопрос: а прибегали ли вообще раннегреческие философы к аргументации, была ли свойственна их стилю философствования доказательность, использование рассуждений, использование, например, дедуктивных или индуктивных шагов?

Практически никогда в сохранившихся текстах, особенно это касается доэлеатов-

ского периода, невозможно последовательно проследить все аргументационные шаги, а зачастую и просто обнаружить какие-либо из них, особенно при недостаточно аналитическом восприятии фрагментарных текстов. Отсюда и проистекают две точки зрения в освещении этого вопроса: сторонников признания наличия аргументации в раннегреческой философии, которых среди исследователей меньшинство, и ее противников, либо отвергающих аргументацию вообще, сводя все к мистике или путанице в мыслях философа, либо признавая ее в крайне слабой, несостоятельной форме.

Первые, чью позицию мы разделяем, настаивают на том, что досократики действительно выдвигали аргументы, хотя и не всегда их можно текстуально проследить четко и последовательно. Аргументы, пусть даже они не зафиксированы текстуально в сохранившихся текстах, могут быть нами реконструированы из собрания фрагментов, а настаивать на существовании этих аргументов можно даже на том основании, что философ, выдвигая ту или иную концепцию, теоретически мог защитить тем или иным способом свою точку зрения; и основания для этого, пусть и не сами аргументы, в тексте присутствуют. При этом не важно, к каким именно аргументам он прибегал: к логическому рассуждению, доказательству от противного или даже аргументу от авторитета. Хотя, на наш взгляд, этот последний аргумент в наименьшей степени носит философский характер и вряд ли должен учитываться сторонниками первой позиции.

Другая точка зрения отрицает наличие аргументации в досократической философии, из чего следует, что досократики, выдвигая тезисы на предмет каким, например, мир или человек должны быть, каковы должны быть моральные предпочтения философа или нормы поведения в обществе и т. п., высказывались догматически, фантазировали, попросту предъявляли свою точку зрения. Для такого способа выражения собственной позиции наиболее подходит форма афоризмов, апофтегм, гном (наподобие мудрых мыслей в традиции Семи мудрецов), которые по определению не нуждаются в аргументации. Не нуждались они в аргументации и потому, что высказывали эти мысли «от себя», опираясь на собственный авторитет мудреца, для которого достаточно только установить, зафиксировать то или

иное положение, при этом его авторитет уже сам по себе должен быть достаточным аргументом для принятия этой позиции. Но насколько такая откровенно субъективная позиция может называться подлинно философской? С обозначенной точкой зрения нам трудно согласиться хотя бы в силу того, что, во-первых, уже сами раннегреческие философы различали мнение и истину и выдвигали критерий для их различения – обоснованность, т. е. убедительность (ср. Парменид в В2, 4); во-вторых, если бы философ не выдвигал никакой аргументации, то и назвать его философом у нас нет оснований, ведь задача философии, на наш взгляд, состоит в первую очередь в обосновании собственных позиций.

Чтобы прояснить наш последний довод, обратимся к одной из схем Аристотеля, посредством которой он классифицирует раннюю философию и предфилософию. Хотя и не все схемы и классификации Аристотеля, на наш взгляд, одинаково удачны и непредвзяты, эта, хотя и содержит одну из ловушек схематизма, присущих некоторым аристотелевским построениям, представляется привлекательной и полезной. Повсюду в своих сочинениях (в качестве примера можно обратиться к *Met. A.*, 992b4, *Met. B.*, 1000a9, но это не единственные случаи) он различал два способа размышлений, т. е. делил всех философов по принципу дихотомии на «теологов» и «физиологов». Первый тип принадлежал тем (Аристотель называет их *θεολόγοι*), кто, «облекая свои мудрствования в форму мифов» (*Met. B.*, 1000a17–18), «писал о божественном», они «размышляли только о том, что казалось им правдоподобным, а о нас не позаботились» (*Met. B.*, 1000a9–10)¹. Иными словами, этот тип размышлений по сути выражает только личное мнение, лишённое более или менее убедительного обоснования. Именно поэтому аргумент от авторитета, который мы упоминали выше – а характеристика, предлагаемая Аристотелем, вполне отвечает этому аргументу – не следует относить к состоятельным философским аргументам. Другой тип характеризует размышляющих о природе (*φυσιολόγοι*): это те, «кто рассуждает, при-

¹ Текст Аристотеля цитируется по изданию: [Аристотель, 1976].

бегая к доказательствам» (τῶν δι' ἀποδείξεως λεγόντων) (*Met.* В, 1000a19).

Эта дихотомическая схема Аристотеля, на первый взгляд, проста и понятна. В чем же может состоять ловушка для исследователя, придерживающегося этой схемы? Она кроется в том, что схематизм в отношении объекта философских доктрин, обозначенных в названиях двух направлений, начинает пониматься исследователями буквально, только из самих названий этих двух типов размышлений. При таком понимании все раннегреческие мыслители – и философы, и не только они², – объектом своих доктрин должны полагать либо природу (в случае с «физиологами»), либо божественное («теологи»). Тогда дополнительное содержание в определениях, данных самим автором схемы, в расчет уже не принимается, о нем попросту забывают, стремясь уложить в прокрустово ложе учений «о природе» доктрины о богах и наоборот. При таком подходе к различению Аристотеля получается, что Гераклит, будучи «физиологом», своим основным объектом исследования должен был бы сделать природу, космос и все то, что Аристотель относит к предмету физики. Тем не менее, только редкий исследователь доктрины Гераклита не отмечает его несостоятельность в вопросах космологии и физики: например, его утверждение о том, что Солнце по ширине равно человеческой ступне, давно воспринимается как забавный анекдот, а не как серьезная натурфилософская концепция³. Те же самые

затруднения, кстати сказать, вызывает и текст «физиолога» Парменида: попытки, отдавая дань стереотипам, отыскать в обсуждении условий и возможностей мышления «философию природы» приводят к разного рода курьезам наподобие усмотрения самопротиворечивости в его доктрине. Иными словами, ценность этой аристотелевской схемы не в том, что она приписывает части досократиков интерес к природе, а другой части – к богам. Кстати говоря, несостоятельность такого узкого прочтения подтверждает хотя бы тот факт, что Ксенофан, известный любитель поговорить о богах, с не меньшим жаром рассуждал и о природе. Ясно, что акценты в этой схеме нужно смещать на содержательный критерий отнесения мыслителя к теологам или физиологам: либо позиция излагается в форме мифа, мнения, бездоказательно – таковы теологи, либо она доказательно обосновывается – таковы физиологи. Именно в этом и заключается ценность этой схемы: Аристотель, на наш взгляд, безукоризненно распознал и указал главную отличительную черту становящейся философии – доказательность.

Вероятно, очевидное проявление наличия аргументированности в досократических текстах – это их рациональный характер и преимущественно рациональный характер досократической философии в целом. Очень многие оригинальные тексты и их исследователи говорят об их рациональном характере. Признав это, мы должны признать и наличие в этих текстах аргументации. Такова, в частности, позиция Джона Барнса (J. Barnes), автора одного из немногих трудов по досократической аргументации. Он пишет: «Таким образом, говоря, что досократики были рациональными людьми, я имею в виду не более чем следующее: что широкие и смелые теории, которые они выдвинули, были представлены не как заявление с кафедры, в которое верующие верят, а безбожники игнорируют, но как выводы из аргументов, как обоснованные предложения для разумных людей, чтобы над ними размышлять и их обсуждать» [Barnes, 1982. P. 3]. Барнс справедливо называет досократиков «отцами рациональной мысли», подчинившими «утверждение аргументу и догму логике», хотя он соглашается, что это, по-видимому, слабая форма рациональности. Звучат эти слова, при всей их положительной для раннегрече-

² Здесь имеется в виду такое направление в греческой культуре, как «предфилософия». Чтобы избежать споров, связанных с этим термином, скажем, что, помимо философских, существовало множество других направлений – не только «до» (что в первую очередь слышится в слове «предфилософия»), но и «наряду», «помимо» и т. п., что также входит в объем данного понятия. Именно в таком, широком контексте мы и понимаем этот термин. Надо еще раз сказать, что терминология, различающая только «теологов» и «физиологов», понятая буквально, как и слово «предфилософия», сильно упрощает ситуацию, потому что имелись и другие объекты исследования «наряду» и «помимо» указанных.

³ Мы не будем приводить массу авторитетных цитат по этому поводу, ограничимся только одной фразой, принадлежащей И. Д. Рожанскому: «То, что Гераклит не был ученым в духе Фалеса и Пифагора, явствует из его замечания, что ширина Солнца равна человеческой ступне. Естественнонаучная (и математическая) проблематика была ему глубоко чужда» [Фрагменты..., 1989. С. 22].

ской аргументации оценке, в унисон частному утверждению Яапа Мансфелда (J. Mansfeld), сказанному в отношении Гераклита, что у последнего нет серьезной аргументации и нет логики [Mansfeld, 1985. P. 64.]. В целом с этим утверждением нельзя не согласиться: вплоть до Парменида или даже Зенона Элейского в имеющихся в нашем распоряжении фрагментах мы вряд ли найдем серьезную, т. е. развернутую и обстоятельную аргументацию, ее могло и не быть даже в полных текстах досократиков. Но предполагаемое отсутствие «серьезной аргументации» не означает отрицания присутствия какой-либо аргументации вообще. Без таких первых пробных шагов в этой области вряд ли мы когда-либо получили бы устойчивую традицию аргументации, а затем и ее серьезную теорию. Именно поэтому формы, в которых проявляет себя досократическая аргументация, ее историческое начало и вызывает специальный интерес в рамках историко-философского анализа.

Исследование досократической аргументации имеет и еще один, частный историко-философский интерес. Прежде мы говорили о том, что рациональный характер рассуждений влечет за собой и наличие аргументации в них. Но и напротив: особенности стиля и характера аргументации в состоянии подтвердить рациональный характер учения того или иного мыслителя, помимо прочего отнеся его к той или иной категории, определенной Аристотелем. Среди создателей досократических доктрин Гераклиту, кстати сказать, чаще всего отказывают в доказательности. Его персону у некоторых исследователей попадает в лагерь тех, кто широко и активно использует только один аргумент – апелляция к собственному авторитету. Эта точка зрения представляется нам несостоятельной⁴. Насколько можно судить по текстам Аристотеля, малоинформативных в отношении упоминающихся в них авторов, Гераклит Эфесский принадлежал к тем, кто прибегал к доказательствам в своих рассуждениях, а это значит, что Аристотеля ни в коей мере не смутил знаменитый гераклитовский «стиль оракула», который часто играет злую шутку с исследователями наследия Гераклита: именно благодаря «тёмности» стиля, по мнению многих, присущего ряду фрагментов его учения, Гераклит у наших современников и

попадает в пророки, мистики, сотеры и тому подобное, а на этом основании, как правило, отрицается рациональный характер философского учения Гераклита. Для Аристотеля вопроса здесь не было: Гераклит принадлежал к тем, кто рассуждал τῶν δι' ἀποδείξεως λεγόντων.

Это очень важное свидетельство Аристотеля и вот еще по какой причине. Считается, что книга Гераклита не носила характер повествования и тем более не была доказательной его философия, в ней изложенная, а это лишь сборник гном или афоризмов в духе традиции Семи мудрецов. Как указывают Дж. Кирк (G. Kirk) и Дж. Рэйвен (J. Raven), эта идея в первую очередь принадлежит Г. Дильсу, считавшему, что последовательного текста Гераклит не писал, это была всего лишь серия кратких высказываний [Kirk, Raven, 1971. P. 185]. И хотя, по их мнению, эта позиция нашла немногих последователей, она может быть верной. Любопытно, что при попытке обосновать эту мысль авторы испытывают трудности с теми фрагментами, которые никак не назовешь «краткими устными высказываниями», например 1 Mch. Но они находят остроумное решение: когда Гераклита признали мудрецом и издали сборник его афоризмов, к тексту пришлось написать введение, и вот оттуда то, вероятно, и происходят все те фрагменты, которые по стилю скорее напоминают дискурсивный трактат, чем апофтегмы [Kirk, Raven, 1971. P. 185]. Здесь, разумеется, к месту пришлась ссылка на то, что не все фрагменты Гераклита полностью аутентичны, но, насколько нам известно, авторство именно первого фрагмента собрания (кстати сказать, сохранившего пример аргументированного рассуждения у Гераклита⁵) никем под сомнение не ставится.

⁵ 1 Mch: «(1) Вот эту речь вот здесь существующую всегда не понимают люди: и прежде, чем услышать, и услышав хоть раз» (τοῦ δὲ λόγου τοῦδ' ἔόντος αἰεὶ ἀξύνετοι γίνονται ἄνθρωποι καὶ πρόσθεν ἢ ἀκοῦσαι καὶ ἀκούσαντες τὸ πρῶτον);

(2) *ведь* (γάρ) хотя все совершается в соответствии с этой вот речью, ведут себя словно незнающие, пытаясь осуществить и слова, и дела,

(3) *тогда как я* (τοιοῦτέων ὀκείων ἐγὼ) рассказываю, по природе различая каждое [среди слов и дел] и объясняю его как оно есть.

(4) *Тогда как другие* (τοὺς δὲ ἄλλους) люди остаются не знающими, что делали после того как проснутся, и забывают, что делали, когда уснут». (Перевод наш. Курсивом мы выделили слова-маркеры, указывающие на логическую связь предложений и отношение зависимости между аргументами в высказывании.)

⁴ Вопрос о рациональной аргументации у Гераклита обсуждался в [Камельчук, 2001] и более подробно в [Barnes, 1982; Granger, 2004].

Наша позиция с вышеприведенной расходится, как минимум, в том аспекте, что написать сборник доказательных афоризмов в принципе невозможно. При этом для нашей концепции не столь важно, какой характер носил письменный труд Гераклита, но важно, что в сохранившихся фрагментах присутствуют обоснования и аргументы, или, как минимум, слова-связки, демонстрирующие логическую структуру аргумента, так что одни положения выводимы из других. Иными словами, у Гераклита имелась определенная концепция, которую он отстаивал не догматически или авторитарно⁶ и не мистическими средствами, а посредством аргументации.

Итак, мы видим, что имеются определенные исторические предпосылки для признания того факта, что аргументация имела место в раннегреческих философских доктринах. А раз так, то необходимо понять, каковы принципы аргументации в досократических текстах, в общих чертах постараться определить, как идет формирование оснований для будущей теории аргументации, обнаружить которую в трудах Платона и Аристотеля уже не представляет труда, и решение этих вопросов будет являться

предметом последующих статей данной серии.

Список литературы

Аристотель. Соч.: В 4 т. / Под ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.

Камельчук Е. Н. Гераклит как рационалист: способ аргументации // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 1. С. 34–38.

Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А. В. Лебедева. М., 1989. Ч. 1.

Barnes J. The Presocratic Philosophers. The Arguments of the Philosophers / Ed. by T. Honderich. L.; N. Y.: Rutledge, 1982. 728 p.

Granger H. Argumentation and Heraclitus' Book // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 2004. No. 26. P. 1–17.

Mansfeld J. Myth, Science, Philosophy: A Question of Origins // Hypatia: Essays in Classics, Comparative, Literature and Philosophy Presented to Hazel E. Barnes on her Seventieth Birthday (Boulder, Colo, 1985). W. M. Calder III / Eds. U. K. Goldsmith, P. B. Kenevan. P. 45–65.

Kirk G. S., Raven J. E. The Presocratic Philosophers. Cambridge Univ. Press, 1971.

⁶ На что, кстати сказать, у него имелись все основания как у представителя царского рода Эфеса.

Материал поступил в редколлегию 24.06.2010

M. N. Volf

PRINCIPLES OF ARGUMENTATION IN EARLY GREEK PHILOSOPHY: PROBLEM STATEMENT

The focus of the article is emergence and development of argumentation in Early Greek philosophy. The author presents a number of reasons to show the existence of argumentation in Presocratics. The historical background for this theoretical position is Aristotle's division of Presocratics into «theologoi» (those who «considered only what was convincing to themselves, and gave no consideration to us») and «physiologoi» (those who «offer demonstration of their statements»). The paper also offers a discussion of the rational nature of arguments in Presocratics' doctrines. Special attention is given to the question about rational argumentation of Heraclites.

Keywords: argumentation, Presocratics, Aristotle, Heraclitus, theologoi, physiologoi, rationality.